

и оздоровительных тренировок, проведение образовательных лекций и собраний. Просмотр кино- и мультфильмов под открытым небом.

4. Запроектировать площадки для детей разных возрастов, оздоровительные и физкультурные зоны, территории для отдыха и дорожки для пешеходов и велосипедистов должны носить неформальный и практичный характер.

5. Обеспечить доступ для людей с физическими, умственными и сенсорными нарушениями. Предоставить большое количество парковочных мест для таких категорий населения, создать широкие тротуары без препятствий, в легкодоступных местах установить специальные указатели с тактильными, зрительными и звуковыми элементами.

6. Когда люди пенсионного возраста могут чувствовать себя единым целым в социуме парка, а не отдельным звеном и чтобы их пребывание не ограничивалось только прогулкой с внуками, а удовлетворения их личных потребностей и интересов.

7. Парк должен выполнять функцию организации досуга семьи, а не только отдельных ее членов.

В заключении можно отметить, что в ходе методологического анализа, были систематизированы и определенные вышеперечисленные приемы для достижения положительного результата проектирования, улучшения качества и условий жизнедеятельности социума.

Литература:

1. Вебер М. Город // М. Вебер. Избранное. Образ общества. – М., 1994.
2. Качанов Г.З. Городская среда: преемство и наследование // Человек. – 2000. – № 4.
3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. – 2002. – № 3.
4. Радионова Л.А. Город в социокультурном измерении // Научно-технич. Сб.: Устойчивое развитие городов. Выпуск 37 Киев. сер. Эк. Науки. 2002.
5. Матяш С. Человек в городе: социологические очерки. – Киев, 1990.

Якимов П. С., магистрант,
науч. рук. – **Радионова Л. А.**, канд. филос. наук, доц.
*Харьковский национальный университет
городского хозяйства имени А. Н. Бекетова, Украина*

МЕТАФИЗИКА АРХИТЕКТУРЫ: ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОСВЯЗИ

Философию города принято строить через описание архитектурных стилей. Подход присущей европейской традиции, которая подразумевает, что движение архитектуры является не простой сменой строительных стилей и инженерных конструкций, но «воплощением духа», отражением мировоззрения эпохи, зримой философией своего времени. Классический

философский дискурс вообрал в себя множество терминов, употребляемых ранее в чисто строительных практиках.

Идея архитектуры была, очевидно, связана с триумфом эвклидовой геометрии и физики твердого тела. Архитектура утверждает классическую рациональность, воспроизводит и запечатлевает ее в камне. Она хочет стабилизировать Вселенную в канонических геометрических формах. Таким образом, архитектура обеспечивает философию терминологией: «обосновать», «сконструировать», «опираться на»... Мысль развивается подобно зданию и, если это необходимо, утверждает себя, уничтожая целые города или, как минимум, их старейшие здания, или основывает новый город, как это предполагает Декарт в рассуждении о методе.

В большинстве работ философия понимается как фундаментальная структура, которая подчиняет искусство, в том числе архитектуру, посредством вертикальной иерархии. Эту субординацию можно осуществить через традиционный образ архитектуры, при этом образ архитектуры упорядочивается внутри системы искусства и одновременно проникает в философские построения в качестве метафоры. Повсюду архитектура запутывается в своей собственной субординации.

Эстетическое суждение может быть установлено не иначе чем при предположении универсальности имматериального голоса, который слышится через материальные предметы искусства и обосновывает рациональность эстетического суждения. Это утверждение можно сделать только через связь вкуса и разума. Кант полагает эстетическое суждение как закон *arguere* для каждого, не обосновывая это предположение уже ни на каких других доводах.

Только структура, которая подобно каркасу предшествует постройке здания. В системе Канта возникают сложности при отделении искусства от внутренней сущности философии, ибо именно тут дискурс архитектуры переплетается с философией. Кант исследует метафору архитектуры и архитектурной техники. Философ, метафизик должен действовать как хороший архитектор, как хороший конструктор. Что же должен выполнять хороший архитектор? Прежде всего, он должен позаботиться об основании, о фундаменте. Архитектор разума обрабатывает, зондирует, готовит территорию. Он ищет надежные основания, последние основания, на которых можно было бы выстроить метафизику как целое. Философия должна мыслиться как подраздел в разделе «искусства возведения этого здания»: обосновывать и обосновывать себя, имея твердую почву под ногами чтобы строить. Эта архитектурная метафора разума, которая объясняет каждую следующую метафору.

Репрезентируя себя как произведение искусства архитектуры, метафизика подчиняется своему собственному анализу искусства. Архитектура должна быть допущена в построения метафизики, чтобы возвести мост над разрывом внутри метафизики. Если принять, что архитектура вступает здесь в игру из притязаний на «чертеж» и «проект», то

«след», «сигнатура» божественного архитектора лежит в этой перспективе. Согласно Канту, прекрасное искусство делает возможным придание жизни мертвому телу вещей, эта сигнатура сообщает ему свой авторитет. Прекрасное искусство подражает оригинальной продукции божественного творца, его способностям создавать оригинал: искусство презентует этот божественный проект, а не свой продукт, который является всего лишь результатом претворения божественного проекта. Прекрасное искусство должно быть одновременно запланированным и не запланированным, умышленным и эфемерным.

Таким образом, в «Критике» делается знаменитая формулировка прекрасного как презентации целесообразного без презентации определенной цели. В «Критике» мир предполагается в качестве презентации проекта некого проектировщика, строителя, «божественного архитектора». Только посредством этой вращающейся вокруг «божественного проекта» аргументации становится возможной традиционная философия как архитектура и описание философии как архитектуры.

Архитектура может блуждать между философией и искусством. Она замешана в самом способе перевода. Метафора циркулирует между обеими системами, внутри обеих она, усложняя себя, разворачивается в себе самой. Двусмысленная экономия поддерживается описанием архитектуры, которое позволяет представить искусство как подраздел философии, однако философия описывается как архитектура, то есть в понятиях последней, что подчиняет ее архитектуре. Однако архитектура подчиняет себе философию и искусство только тогда, когда она используется как метафора, и, тем самым, поддерживает четкое различие между материальным и нематериальным пространством.

Каждый принцип — структурный. Так организуется высказывание о статусе оснований, которые должны быть стабилизирующими для мышления. Принцип здания классической философии, согласно Хайдеггеру, состоит не в выборе основных положений, а в поисках принципа стабилизации, причем, уже сами поиски легитимируют «неколебимое основание», на котором можно возводить надежную конструкцию. Однако сам принцип стабилизации, согласно которому конструировалась традиция, почему-то вовсе не являлся предметом исследования. Напротив, речь всегда шла лишь о навыке строить рассуждения, который пускается в ход где бы то ни было.

Согласно хайдеггеровскому переводу, философия «безосновна»: с тех пор как понятие, которое организовало мышление в Античной Греции было переведено в язык метафизики, исказился его первоначальный смысл, который стали понимать как презентацию. «Этот искаженный перевод основывается на фальсификации, которая возникла при переводе греческой философии на латынь. Латинским переводом было искажено уже первоначальное содержание греческого слова *фюзис*, что разрушило собственную философскую силу именованного греческого слова. Это касается

не только латинского перевода, но всех других переводов греческого языка философии в романские языки. Процесс этого перевода греческого языка в романские не только произволен и дисгармоничен, но еще и является первым шагом на пути отпадения и отчуждения от первоначальной сущности греческой философии. Нужно помнить, что уже внутри греческой философии началось сокращение слов, без понимания их первоначальных значений, которые тотчас исчезли из содержания греческой философии» .

В результате этих искажающих многочисленных переводов был потерян первоначальный смысл, «логос». Кризис Модерна, «безосновность», порождающая насилие эпохи технологий возникли из-за философского определения основания и фундамента философии как опоры для структуры, которая могла бы дополняться «репрезентацией». «Совершенствование техники есть только эхо притязаний на совершенство, то есть на полноту оснований... Современная техника осуществляет всемогущее совершенство. Совершенство, которое покоится на исчислимости сущности предметов. Такая исчислимость предполагает неограниченную значимость. Хайдеггер подрывает самосознание философии как конструкции с надежными основаниями. Тем самым он изменил и смысл структуры, которая описывает философию. Хотя он унаследовал традиционное понимание бытия как «стояния», это «стояние» не опирается более на надежный фундамент, а балансирует в безосновности над пропастью.

В итоге оказывается, что архитектуру невозможно отделить от ее образа даже средствами всемогущей философии, и именно потому, что некогда философия приняла на себя образ архитектуры и стремилась достичь ее подобия. Возникает фундаментальная амбивалентность философии относительно архитектуры, без которой философия не может работать. С одной стороны философия претендует на то, чтобы объяснять архитектуру и историю архитектуры как любое другое явление, с другой стороны оказывается, что философия свои рассуждения о различных явлениях строит в дискурсе архитектуры, полагая ее как некую идеальную конструкцию. Один и тот же дискурс используется различными дисциплинами, одна из которых претендует на то, чтобы описывать вторую в ряду многих прочих, но при этом получается так, что вторая описывает первую: архитектура дает философии свою терминологию, не наоборот.

Мы проследили, как осуществлялась экспансия архитектурной картины мира, мы проследили, как Хайдеггер пытается деструктурировать «здание» метафизики, которая репрезентирует себя как произведение искусства архитектуры. Поскольку при этом Хайдеггер не отказывается от дискурса архитектуры, то ломаться и трансформироваться начинает сам дискурс, которым пользуется не только метафизика, но и сама архитектура как строительная практика, как способ организации городского пространства. Какие последствия имела деструкция дискурса архитектуры, произведенная философией XX века для градостроения, можно увидеть, взглянув на мегаполис XXI века.